



ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ

Джейн Остин. Гордость и предубеждение. Перевод с английского. Издание подготовили Н. М. Демурова, И. С. Маршак, Б. Б. Томашевский. Москва, «Наука», 1967. 622 стр.

Странно сложилась судьба Джейн Остин в России. Писательница конца XVIII—начала XIX столетий, восхищавшая Вальтера Скотта и Хемингуэя, Теннисона и Олдингтона, Макколея и Мюэма, произведения которой вошли в классику английской литературы, впервые издана на русском языке в 1967 году.

Если вспомнить, что с конца XVIII века русские писатели и критики особенно пристально следили за развитием английской литературы, то такое промедление покажется еще более удивительным. Поэмы современника Остин Вальтера Скотта печатались в России в двадцатых годах прошлого столетия, Байрон переводился еще Жуковским, романы Диккенса — писателя, бывшего, по словам Достоевского, «почти русской силой», выходили у нас иногда спустя несколько месяцев после выпуска в свет в Лондоне.

Поэты, представленные в сборнике, различны и по своей тематике, и по стилю. Илия Абу Мады — поэт разностороннего дарования. Старейший певец Ливана, он с юных лет воспитывался на образцах классической арабской поэзии. Традиционные стилистические фигуры (анафора, редифы, эпифора), устоявшиеся символы и аллегории сочетаются у поэта с неожиданными, смелыми метафорами и образами.

Саид Акль — поэт иного склада. Быть может, в его формировании как литератора немалую роль сыграл французский символизм, влияние которого в ливанской поэзии особенно сильно ощущалось в двадцатые годы. «Сновиденья», «белые призраки» и «незримые стены» символизма причудливо переплетаются у Саида Акля с образами архаичной, традиционной лирики. Кажется, будто поэт произносит один нескончаемый монолог, страстный, сильный, часто откровенно-чувственный, о превратностях любви и ее всепобеждающей силе. «Ради тебя, ради нашей любви изменится облик мира!» («Дворец любимой») — убежден поэт.

Шафик Маалюф афористичен и точен, в коротком стихотворении он передает весомую и глубокую мысль. Вот он пишет о крестьянине-феллахе: «Он долг вселенной выплатил сполна, но перед ним навек в долгу она» («Феллах»); зримо и емко, в двух строках, передана трагедия любви пастуха: «А из свирели песнь, как кровь, лилась, и клапаны чернели, словно раны» («Пастух»).

На мой взгляд, содружество переводчиков оказалось вполне плодотворным. Поэзия Шафика Маалюфа близка Вадиму Сикорскому, поэту строгого, сдержанного стиха. Опытному М. Курганцеву оказалась по перу гонкая вязь любовной лирики Саида Акля, о чем свидетельствуют такие удачи, как «Потому что мы существуем» или «Пусть это будет возможно». Философичная риторика и эпическая величавость Илия Абу Мады переданы М. Тарасовой с большим тактом.

Сделан еще один шаг на пути познания литературы наших добрых друзей.

Л. ЧЕРКАССКИЙ

Имени Остин не нашлось места в этом ряду, и разгадку надо искать в своеобразии ее творческой судьбы у себя на родине. Романы писательницы, надолго пережившие свою эпоху, при жизни Остин публиковались с большим трудом и получили признание лишь у некоторых тонких ценителей литературы, таких как Колридж или Вальтер Скотт. Остин оставалась писательницей для писателей.

Это объясняется тем, что творчество Джейн Остин представляло собой некий анахронизм в литературе того времени. Работая в эпоху предромантизма и романтизма, она не только не испытывала влияния «чувствительного» и «готического» романа, как большинство ее современников, но даже полемически противопоставляла свои произведения литературе подобного типа. По мироощущению Остин гораздо ближе к просветителям, чем к романтикам, хотя менее всего ее можно назвать эпигоном великой просветительской литературы XVIII века.

Нет у нее той широты охвата действительности, той широты социальных обобщений, которые были у Филдинга или Дефо. Современница Великой французской революции и наполеоновских войн, свидетельница промышленного переворота и движения луддитов у себя на родине, Остин осталась в стороне от этих событий. Она не претендует на грандиозность проблем и героев. Не только титанических фигур Манфреда, Каина, Прометея, но и героев масштаба Крузо, Ловласа, Клариссы Гарлоу не найдем мы в романах Остин. Ее герои показаны не в противоборстве с обществом или природой, а в узком домашнем кругу, конфликтах семейно-бытового характера. Мир романов Остин ограничен и социаль-

но, и географически — для достижения целей, поставленных писательницей, ей достаточно знать быт и нравы немногих окружающих ее людей. «Три-четыре семьи по соседству — вот то, над чем надо работать», — пишет она племяннице. Зато самое знание для Остин было качественно иным, чем для романтиков. Это было знание писателя-реалиста, для которого мир предстает не обобщенно крупным планом, как, к примеру, в противопоставлении герой — толпа, а в бытовых и психологических подробностях, которые делают интересными и индивидуальными всех представителей этой толпы.

Романтики создавали огромные полотна, написанные размашистыми мазками. Остин называла свои романы миниатюрами из слоновой кости, над которыми автор работает тончайшими инструментами, затрачивая массу труда для достижения еле заметного эффекта. И ограниченность творческого диапазона Джейн Остин вовсе не лишала ее романы глубины. Вскрывая истинные мотивы поведения самых заурядных людей, высмеивая их недостатки, передавая с удивительной психологической убедительностью мельчайшие детали быта английской мелкопоместной среды, она писала книги, не теряющие жизненной актуальности и художественной значимости и в наши дни.

Остин была мало популярна в свое время. Ее заслонила блестящая плеяда романтиков, а затем такие гиганты, как Диккенс и Теккерей. Но не случайно в конце прошлого столетия ее подняли на щит Дж. Элиот, Треллоп, Генри Джеймс. Они справедливо называли себя учениками и последователями Джейн Остин.

Литературное наследство Джейн Остин невелико — всего шесть романов. Изданный у нас роман «Гордость и предубеждение» по праву считается одним из лучших ее произведений. Сюжет романа — история заблуждений и медленного, трудного прозрения героев. Нравственно-психологический конфликт, как всегда у Остин, решается на семейно-бытовом материале. Аристократ Дарси влюбляется в мелкопоместную дворяночку Элизабет. И делает ей предложение. Но, уступая влечению сердца, он остается убежденным в безрассудстве подобного брака и даже не скрывает этого от своей возлюбленной. Только к концу романа Дарси преодолевает ложную гордость и сословные предрассудки, препятствующие его браку с Элизабет, и приходит к внутренней гармонии с самим собой.

Путь Элизабет к счастью не менее труден. Оскорбленная пренебрежением Дарси при их первой встрече, девушка долгое время склонна приписывать ему любые пороки и осуждать все его поступки. И только подвергнув самому строгому и беспристрастному анализу поведение Дарси и свое отношение к нему, Элизабет преодолевает свои заблуждения.

Сложен и противоречив внутренний мир главных героев. От антипатии переходят они к пылкой страсти, от осуждения друг друга к восхищению, от отчаяния к надеж-

де. Причина конфликта, препятствующего союзу героев, заложена в их психологии, а не во внешних обстоятельствах.

И все же этот роман в большей степени социально окрашен, чем другие произведения Остин. Показывая мир мелкопоместного дворянства и отчасти связанные с ним круги великосветского общества, писательница сатирически изображает сословные предрассудки и стремление к материальному благополучию как единственному смыслу существования. Здесь те, кто обладает богатством и положением в обществе (леди Кэтрин, сестры Бингли, в начале романа Дарси), с презрением смотрят на нижестоящих. Другие (миссис Беннет, семья Лукасов, Коллинз) стремятся к богатству и почестям и готовы купить их ценой любого унижения. Общество в целом и большинство его отдельных представителей получают в романе уничтожающую нравственную характеристику, хотя, конечно, ирония Остин никогда не приобретает размаха и силы сатиры Свифта или даже Филдинга.

Сатирический фон связан с коллизией главных героев не механически. Элизабет и Дарси не идеальные герои. Им тоже свойственны недостатки и предрассудки их окружения. Но если образы сатирических персонажей даны гротескно, то характеры Элизабет и Дарси раскрываются во всей психологической сложности.

Пожалуй, самая характерная черта стилизованной манеры Остин и заключается в сочетании всепроницающей иронии и тонкого психологизма. Это да еще отсутствие дидактики и сентиментальности, равнодушие к событийной стороне повествования и углубленный интерес к внутреннему миру героев оживляют интерес к ее творчеству у английской читающей публики наших дней.

И не случайно популярность Остин растет, а в последнее десятилетие достигает



широких масштабов. Ее произведения выходят огромными тиражами в самых общедоступных изданиях, экранизируются и инсценируются, переводятся чуть ли не на все европейские языки. Появляются монографии о ее творчестве. В Англии существуют Музей и Общество Джейн Остин.

Опубликование романа «Гордость и предубеждение», который сопровождается обстоятельным и интересным послесловием Н. М. Демуровой, — только начало знакомства советского читателя с творчеством Джейн Остин. Будем надеяться, что оно продолжится.

К. АТАРОВА

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

БРЕХТ ЖИВ

Bertolt Brecht. Schriften zur Literatur und Kunst. B.I-II. Berlin, Aufbau-Verlag, 1966.

Bertolt Brecht. Schriften zur Literatur und Kunst. B.I-III. Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1967.

Некрологи и поминальные статьи принято завершать словами о вечной жизни в благодарной памяти друзей, в трудах учеников. Иногда это бывает правдой. Но древняя вера в бессмертие души становится реальностью менее всего благодаря пышным ритуалам юбилеев и музейным экспонатам, мрамору монументов и даже многотиражным изданиям. Бессмертие — это жизнь мысли и слова, жизнь, оплодотворяющая сознание и деятельность новых друзей и новых противников, новых учеников и новых соперников. Бессильная, но неслабая злорада хулителей убедительнее всех славословий свидетельствует о бессмертии Франсуа Вийона и Генриха Гейне.

Но самое главное — настоящая жизнь — это всегда развитие, движение, преобразование. Застывшая маска однозначна, неизменна — потому что мертва. Живое лицо подвижно, многозначно, изменяется в изменившихся обстоятельствах, принимает все новые черты и выражения.

Так уже четвертое столетие живет Шекспир; разные поколения в разных странах по-разному воспринимают его творения. В каждом новом талантливом переводе, в каждой новой талантливой постановке открываются все новые сокровища — плоды его мысли, его поэзии.

Нелицеприятная статистика свидетельствует, что сегодня Шекспир самый популярный во всем мире драматург, а следующий за ним Бертольт Брехт.

Брехт умер в августе 1956 года, в феврале 1968 года отмечалось его 70-летие.

В городе Аугсбурге (ФРГ), где родился Брехт, консервативный магистрат упрямо отказывается увековечить его память. Недавно на шоссе был воздвигнут щит с надписью «Вы въезжаете в Аугсбург, город, который не умеет чтить своих великих сыновей».

У могилы Брехта в углу старого гугенотского кладбища, за стенами которого шумят центральные улицы Берлина, не толпятся паломники. Однако театр Брехта «Берлинский ансамбль», работающий в столице Германской Демократической Республики, теперь уже не только друзья, но и враги называются лучшим театром планеты. Драмы Брехта идут на сотнях сцен в городах Европы, Азии, Америки, Африки, Австралии, и поэтическое слово Брехта звучит из миллионов радиоприемников и телевизоров, и книги Брехта издаются на разных языках. И споры о Брехте не умолкают везде, где только прозвучит его имя, везде у него находятся и пылкие почитатели, и непримиримые оппоненты.

Брехт живет и в нашей стране. Именно живет — то есть развивается, становится богаче, глубже, многообразнее. Он живет в талантливых спектаклях: «Добром человеке из Сезуана» и «Галилее», поставленных Юрием Любимовым в московском театре на Таганке, в «Трехгрошовой опере», поставленной Карелом Ирдом в Тарту, в «Карьере Артуро Уи», поставленной Эрвином Аксером в Ленинградском Большом Драматическом театре им. Горького, и многих других постановках на сценах Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Харькова, Риги, Кишинева, Кемерово, Новосибирска, Вильнюса, Волгограда, Петрозаводска.

Брехт живет в новых изданиях его драм, стихов, романов и публицистики. Недавно, в 1966 году, закончилось пятитомное издание избранных сочинений Брехта «Театр» (Издательство «Искусство»).

Брехт живет в новых поэтических переводах Бориса Слуцкого, Константина Богатырева, Давида Самойлова, Соломона Апта, Ефима Эткинда, Александра Голембы, Елизаветы Мнацакановой и др. и в новых исследованиях наших ученых — в работах Б. Райха, И. Фрадкина, Б. Зингермана, Г. Знаменской, В. Клюева, Т. Мотылевой, Н. Павловой, Е. Суркова, М. Строевой, Е. Эткинда и др.

Брехт живет и как художник — поэт, драматург, режиссер, прозаик, и как мыслитель — теоретик искусства, философ, пропагандист марксизма, и как неутомимый общественный деятель.

В прошлом году во Франкфурте-на-Майне издательство «Зуркамп», владеющее «международными правами» на издание произведений Брехта, выпустило три тома «Статей о литературе и искусстве» (они тождественны двухтомному изданию с тем же названием, выпущенному ранее издательством «Ауфбау» в Берлине, ГДР). Наряду с текстами, которые были уже напечатаны в периодике и сборниках, впервые опубликованы